

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 111–127.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2021. Vol. 4, no. 4. P. 111–127.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-111-127

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ЧИТАЕТ Л. М. ЛЕОНОВА: ОПРАВДАЛАСЬ ЛИ НАДЕЖДА И МОГЛА ЛИ ОНА ОПРАВДАТЬСЯ?

Андрей Александрович Воробьев
Московский педагогический
государственный университет,
Москва, Россия, andorth@yandex.ru

 Аннотация. В статье предложены к рассмотрению мысли и оценки, высказанные представителями русской эмиграции (Г. В. Адамовичем, М. Алдановым, П. М. Бицилли, Б. К. Зайцевым, Е. И. Замятиным, М. Слонимом, Ф. А. Степуном, Г. П. Федотовым и др.) в отношении творчества русского советского писателя-мыслителя Л. М. Леонова. Хронологические границы оценок — начало 1920-х — середина 1950-х годов. В статье доказывается, что Л. М. Леонов оказал однозначное влияние на русскую эмиграцию (писателей, литературных критиков и философов) и до 1930-х годов воспринимался как надежда русской литературы (в части продолжения ее христианских, гуманистических поисков), как писатель, продолжающий развитие линии художественно-философского мышления Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого вопреки «революционно-

© Воробьев А. А., 2021

му» писательству. С 1930-х годов оценки в целом меняются на сдержанные и прохладные, однако не исключаются и положительные. Показано, что приятие или неприятие советских писателей среди высланных за границу интеллектуалов, особенно Л. М. Леонова, происходило с учетом двух, по мнению представителей русской эмиграции, взаимоисключающих установок: «совесть художника» и «социальный заказ». В работе осуществлена попытка, базирующаяся на репрезентативном историческом материале, ответить на вопрос — почему Л. М. Леонов не стал в конечном счете «надеждой» русской эмиграции и почему он в принципе не мог ею стать.

Ключевые слова: русская литература, советская литература, литература эмиграции, Л. М. Леонов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Октябрьская революция, «социальный заказ»

Ссылка для цитирования: Воробьев А. А. Русская эмиграция читает Л. М. Леонова: оправдалась ли надежда и могла ли она оправдаться? // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 4. С. 111–127. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-4-111-127>.

Memory of Culture

RUSSIAN EMIGRATION READS L. M. LEONOV: WAS THE EXPECTATION
REALIZED AND COULD IT HAVE COME TRUE?

Andrey A. Vorobyev

Moscow State Pedagogical University (MPGU),
Moscow, Russia, andorth@yandex.ru

Abstract. In the paper, proposed for consideration are reflections and estimations expressed by the Russian emigration members (G. V. Adamovich, M. Aldanov, P. M. Bitsilli, B. K. Zaitsev, E. I. Zamyatin, M. Slonim, F. A. Stepun, G. P. Fedotov, etc.) concerning the creative work of the Russian and Soviet writer the thinker L. M. Leonov. Chronological boundaries of the estimates are between early 1920s and mid-1950s. The paper proves that L. M. Leonov had an unambiguous influence on the Russian emigration (writers, literary critics and philosophers) and until the 1930s he was perceived as the hope of Russian literature (in the course of its Christian, humanistic search), as a writer who continues the development of artistic and philosophi-

cal line of thinking of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy in spite of his “revolutionary” writing. Since the 1930s, the estimations have generally become restrained and cool, but positive ones are not excluded. It is shown that the favor or rejection of Soviet writers, especially L. M. Leonov, by the intellectuals sent abroad had occurred taking into account two mutually exclusive lines as it was agreed among the Russian emigration members: “the artist’s conscience” and “the social demand”. Based on representative historical material, the paper is aimed on answering the question why L. M. Leonov did not ultimately become the “hope” of Russian emigration and why couldn't he become one in principle.

Keywords: Russian literature, Soviet literature, emigration literature, L. M. Leonov, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, October Revolution, “social demand”

For citation: Vorobyev, A.A. (2021) ‘Russian Emigration Reads L. M. Leonov: Was the Explication Realized and Could it Have Come True?’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(4), pp. 111–127. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2021-4-4-111-127.

Исследование проблемы интеллектуального взаимовосприятия Советской России и русской эмиграции в области гуманитарной культуры так или иначе «упирается» в сложный факт исторического «разъятия» России, произошедшего в 1917 году, и как следствие — непонимания друг друга (или не-разговора друг с другом) с двух сторон. Эта проблема актуальна по сегодняшний день: революционные изменения оказались столь сильны, что до сих пор оказывают влияние на *исследовательские оптики*, хотя уже сменилось несколько поколений исследователей и, соответственно, ценностных моделей, определяющих типологические поколенческие черты.

Где искать точки интеллектуального взаимовосприятия? Возможно ли путем междисциплинарного анализа обнаружить то, что «выпадает» из взгляда на историческое «разъятие»? Возможно ли появление эмпирических оснований если не для преодоления раздробленности на «советское» и «эмигрантское» — эта задача чрезвычайно сложна, однако решается долгим процессом «самособирания», — то хотя бы для корректировки «стартовых позиций» в предметных дискуссиях? Ведь их идеологический накал, к сожалению, иной раз избыточен и в этом смысле — контрпродуктивен. Эти вопросы не праздные, от более или менее удачного их решения зависит в конечном

счете выработка *общественных консенсусов* по магистральным сюжетам истории России в ее связи с историей и культурой европейских государств.

Русская советская литература (особенно малоизученный в современной историографии период 1940–1950-х годов), к сожалению, не только в обиходном разговоре, но часто и в публицистическом, научном дискурсе имеет клишированный оттенок. Литература «социального заказа» — не «высокая литература» (или даже вовсе не литература), кроме, быть может, отдельных представителей (и их *отдельных произведений*). Следует заметить, что у этого клише имеются некоторые основания. Однако такая исходная «презумпция виновности» объективно мешает понять, что привнесла русская советская литература (прямо и подспудно) в русскую и европейскую культуры и как это считывалось с двух сторон — «советской» и «эмигрантской», что из привнесенного не было распознано.

В данной статье рассматривается *взгляд русской эмиграции* на творчество русского советского писателя-мыслителя Л. М. Леонова. Составная характеристика «писатель-мыслитель» употребляется по той причине, что его творчество является преимущественно философским, о чем нет разногласий в среде профессиональных леоноведов.

Проблема восприятия творчества Леонова именно в среде русской эмиграции в историографии косвенно поднималась (в том числе в недавней книге З. Прилепина), но в прямом предметно-тематическом смысле лишь однажды — в работе болгарской исследовательницы М. Каназирска [Каназирска, 2005]. Автор предприняла попытку — удачную, местами небесспорную (доминирует сугубо христианский взгляд на творчество писателя-мыслителя) — в пределах одной статьи, осмыслить наследие критиков Г. В. Адамовича и Ю. Сазоновой в части оценок творчества Леонова 1920–1930-х годов.

В рамках данной статьи предлагается расширить круг оценок творчества писателя деятелями русской эмиграции до середины 1950-х годов и попытаться ответить на вопрос, поставленный в заглавии работы.

Для начала тезисно следует обозначить предельно общую характеристику восприятия Леонова в среде русской эмиграции. Его творчество было воспринято двояко: с большим «авансом» по факту издания повестей (особенно, «Петушихинского пролома»), романа «Барсуки» и первой редакции «Вора» и с *сожалением* (более или менее сильным) о неоправдавшейся «надежде» после выхода в свет «Соти». Вместе с этим нельзя отрицать, что и «советская» линия в творчестве Леонова некоторыми представителями эмиграции оценивалась положительно.

Корпус текстов писателя 1920–1930-х годов весьма разнообразен тематически и стилистически, равно как и художественно-философские задачи, им решаемые. Они имеют разную направленность, но так или иначе тяготеют к двум магистральным линиям, которые можно определить как «историческая» и «религиозная». Особенностью его письма является склонность к каскадному шифрованию мыслей, тому, что сам писатель называл подтекстами «на пятой горизонтали» [Письма Леонида Леонова, 1995, с. 427].

В «ранних» текстах 1920-х годов, например в «Конце мелкого человека» (первая ред. 1922), Леонов рисует крушение старого мира и старой интеллигенции (в лице профессора палеонтологии). В «Барсуках» он делает упор на социально-бытовой аспект русской революции, художественно исследуя проблему столкновения «города» и «деревни» (в целом характерную для обществ догоняющей модернизации). Замечу, что в этом романе акцент сделан не столько на традиционном противостоянии «красных» и «белых», сколько на регулярно «выпадающих» из указанного «канонического» дискурса «зеленых», иными словами, на пытающейся самоорганизоваться *народной стихии*.

В «Воре» (первая ред., 1927) Леонов, отчасти подражая Ф. М. Достоевскому, развивает или скорее реинтерпретирует его находки о падшей и воскресающей природе человека, рассмотренного на примере не Санкт-Петербургской России, но в московских кондциях эпохи нэпа.

До «Соти» (1930) его творчество *прямо* почти не исследовало *религиозную природу* и *исторические перспективы* большевизма, основания его преобразовательной сущности. Поднимались скорее общехристианские вопросы, которые, правда, осмысливались еретически (можно говорить о гностических мотивах в его творчестве). Писатель размышлял о революции (в том числе как о явлении планетарного масштаба), но *по касательной*, намечал для себя векторы возможного движения к теме. Именно это обстоятельство, на мой взгляд, и позволило эмигрантской критике интерпретировать тексты Леонова в том смысле, что он не поддается «искушениям» «революционного» писательства, но держится линии свободного (насколько это было возможно в СССР), «по совести» художественного творчества.

Но после «Соти», традиционно считавшейся в советской историографии «образцовым», в числе первых, производственным романом, а по сути являвшейся произведением, в котором исследуется проблема исторической тупиковости русского археомодерна (мужицкая вера не дает развиваться, а большевицкая акселерация грозит надрывом), после «Скутаревского» (1932) — произведения, в котором осмыслена проблема рукотворного «технического чуда» [см. Воробьев, 2021], и «Дороги на Океан» (1935) — многогранного романа об имажинативных

способностях образцового советского человека («человекогоры») и строительстве коммунистического Воображариума (Океана), русская эмиграция перестала воспринимать Леонова как «сопротивляющегося» писателя.

Ф. А. Степун оставил ряд интересных замечаний в отношении Леонова. Он защищал писателя *перед лицом эмигрантского читателя*, очень точно высвечивая разницу между советским литератором и критиком [Степун, 1925, с. 365–366]. Он внимательно следил за творчеством Леонова («самого, быть может, талантливого и чуткого к современности автора Советской России» [там же, с. 363]). Философ при удобном случае интересовался судьбой писателя [Степун, 2013, с. 457], о чем сам писал в позднейшей книге [Степун, 1962, с. 9], где имя Леонова вынесено в заглавие. Это практически полностью совпадает с тем, как видел ситуацию в 1936 году Г. П. Федотов, который крайне эмоционально восклицал, что произошел акт «зачеркивания пути» «от Толстого до Леонова». Замечу: философ обнаруживал *линию преемственности* и поэтому в статье с глубоким негодованием и досадой восклицал: «какому господину вы продали свою шпагу, свое перо, Леонов!» [Федотов, 1996–2014, т. 7, с. 15]. Сам же Леонов, осмысливая наследие Л. Н. Толстого, напишет «крамольное», как показывает в биографии З. Прилепин [Прилепин, 2019, с. 559–565], для 1960 года «Слово о Толстом» [Леонов, 1981–1984, т. 10, с. 418–438], ставшее интеллектуальным событием.

Оценки, данные Ф. А. Степуном советскому писателю, и сдержанны, и где-то пессимистичны, но пророчески точны. В письме М. Горькому, датированному 1926 годом, философ делится соображением, что Леонову (в числе прочих советских литераторов) пошло бы на пользу «попасть под подозрение» и «временно перестать печататься» [М. Горький и Ф. А. Степун. Переписка, 1993, с. 50]. Так и случится в конце 1930-х годов, результатом чего станет запрет пьесы «Метель» и дальнейшая опала. Но именно эти давление и страх, детально отраженные в самом начале итоговой «Пирамиды» [Леонов, 2013, т. 5, с. 8], совершат переворот в сознании писателя. Он приступит к созданию *tagnum opus* и завершит его только в 1994 году, когда, конечно, ни останется никого в живых из современников, *на личном опыте понимавших тридцатые годы*, — тех, кто смог бы оценить место итоговой книги в общем идеологически-сложном контексте русской литературы XX века. В частности, Леонов в своем «романе-наваждении» реактуализировал на качественно иных исторических основаниях вопрос П. Я. Чаадаева об историческом предназначении России, а также произвел очень сложную и даже в некотором смысле *искусительную* ревизию христианства.

А в 1960-х годах, в предисловии к «Встречам», Степун будет сетовать на то, что Леонов отстоять себя не смог: «Осуждать его, обвинять я не смею, но не

скорбеть, что он переделал своего “Вора”, все же не могу» [Степун, 1962, с. 10]. Эта реплика сходу не очень понятна, но я ограничусь объяснением *minimorum*.

Вторая редакция «Вора» (1959), в которой, по выражению Леонова, он «поднес лупу», чтобы рассмотреть «узлы» в судьбе главного героя [Леонид Леонов. Вечер в МГУ, 1978], наметила тенденцию углубления падения главного героя — Дмитрия Векшина. Она уже существовала в первой редакции, как сообщает сам писатель одному из ведущих леоноведов — В. И. Хрулеву [Хрулев, 2005, с. 412], правда, будучи в почтенном возрасте.

Христианские мотивы первой редакции (надежда на спасение *потенциально есть*) сменились мотивами, близкими по звучанию скорее атеизму или оборотной стороне христианства (надежды на спасение *потенциально нет*, да и *возможно ли в принципе спасение* поврежденной человеческой природы?). В последней редакции 1993 года надежды на спасение главного героя *нет*: писатель поставил точку в цепочке переработок, длившихся почти 70 лет.

Такой пронизательный философ, как Степун, думаю, уже в конце 1950-х годов понял, что эмигрантское «венчание» Леонова как сугубо христианского писателя и наследника *в этом смысле* Ф. М. Достоевского, как его понимала дореволюционная мысль, было преждевременным. Степун, возможно, разглядел контуры мысли о неисцелимом повреждении человеческой природы, которую советский писатель умело зашифровал для дальних потомков.

Хотя оценка творчества писателя Степуном попала в очень упрощенном виде в монографию видного советского литературоведа А. И. Овчаренко [Овчаренко, 1985, с. 160], близкого товарища Леонова, де-факто взаимного разговора между ними уже не могло состояться по прозаической причине смерти одного из его потенциальных участников и невозможности организации такой дискуссии в СССР. Возникает потенциальный для широкого поля исследований вопрос: были ли реальные точки соприкосновения советской и эмигрантской литературы, доходившие до критикуемых адресатов? Поскольку современники (русская эмигрантская и русская советская гуманитарная мысль) не могли говорить на одном языке ввиду его идеологического «разъятия», то попытка выявления ростков разговора в заочных дискуссиях обнаруживается только у потомков. Дело в том, что им доступен больший объем архива исторической памяти, компенсирующий утрату «живого» непосредственного разговора современников.

Эмигрантский писатель Б. К. Зайцев в статье 1931 года дал очень резкую оценку тому, что происходило с Леоновым [Зайцев, 1999–2001, т. 9, с. 109–114] (хотя в 1927 году он уже замечал, что «в последних вещах» Леонов «хромает»

[там же, т. 11, с. 310]). Г. В. Адамович, в течение многих лет обнаруживавший в себе веру в советского писателя (что совершенно верно отмечает М. Каназирска [Каназирска, 2005, с. 269]), выступил в защиту Леонова, специально написав *короткую заметку* [Адамович, Борис Зайцев и Леонид Леонов]. Резкость замечаний Зайцева в отношении Леонова очень показательна и, к сожалению, типична: «социальный заказ», который реализуется в «Соти», интерпретируется как «обработка» и «слом» художника, а «производственная» сторона романа понимается как вторичная, если не третичная.

Зайцев сомневается в религиозности Леонова [Зайцев, 1999–2001, т. 9, с. 112], в отличие, например, от Ю. Сазоновой, которая видит исключительный христианский пафос леоновских произведений [Сазонова, 1930, с. 88]. На мой взгляд, это является примером видения желаемого вместо действительного. Истовые православные убеждения мешали Зайцеву увидеть в советском писателе самобытную и очень сложную религиозную конвергенцию православия и коммунизма, которую Леонов уже осмысливал в 1930-х годах. Зайцев пишет: «...для пути добра должен он [Леонов. — А. В.] устыдиться “Соти”» [Зайцев, 1999–2001, т. 9, с. 114], имея в виду в подтексте, что тогда и произойдет *спасение*, то есть возврат в «христианство» и отторжение от коммунизма. Согласно эмигрантскому писателю, «путь добра» (совпадающий с православием) объективен и универсален для непредвзятого художника, но по нему не мог, пожалуй, следовать ни один советский литератор.

Схожим образом оценивал творчество Леонова и Г. В. Адамович. По его воспоминаниям, относящимся к 1955 году, фигура писателя в разговорах эмигрантов о советской литературе не только являлась фигурой интереса или «надежды», но и сообщала возможность преодолевать собственное эмигрантское высокомерие в отношении чуждого советского [Адамович, *Одиночество и свобода*, 2002, с. 290]. Но, как он пишет далее, предлагаемое «собирательным Леоновым» (иными словами, советскими писателями «первого ряда», среди которых Леонов выделялся в конце 1920-х — начале 1930-х годов едва ли не как главный) «безмятежное, “пресное” благополучие в толпе» не могло «соблазнить» эмиграцию [там же, с. 292–293]. Так критик понимает *дух коллективной идентичности* — само по себе явление исключительно сложное для интерпретации. Дух, транслируемый и воспеваемый советской литературой, был интуитивно неприемлем: признание идеологически чуждых жизненных установок как равновеликих и равнозначных своим установкам на практике означало бы стратегическое поражение *своего*.

Но это неприятие вместе с тем трансформировало характер критики, понижая ее глубину. В статье 1936 года Адамович, размышляя над романом

«Дорога на Океан», выделяя ряд достоинств, все же обнаруживает книгу «поверхностной». Но при внимательном чтении материала слишком очевидной становится утрата физической «почвы» — России: Адамович читает роман по «вершкам», подтексты советского писателя ему недоступны. Поэтому он делает тот вывод, который, в общем, делают почти все представленные в данной статье интеллектуалы эмиграции в тех или иных формах: одаренного, глубокого русского писателя сломала советская власть, и потому констатируется насилие художника над собой (вместе с Леоновым к так или иначе сломавшимся относится и другая советская «надежда» — К. А. Федин).

Значит ли это, что «надежда» не оправдалась? И да и нет. В другой статье 1936 года он «хоронит» Леонова («как ни обидно в этом сознаться») [Адамович, 2018, с. 133], но вдруг, после «Половчанских садов», писатель снова «воскресает» в глазах Адамовича. Критикуя в 1938 году леоновский вычурный язык, Адамович крайне пронизательно и самокритично замечает: «...режут слух некоторые сцены и самим содержанием своим, как нестерпимая фальшь. Однако тут возникает вопрос: виноват ли Леонов, их выдумавший, или он не при чем, и просто в советском жизненном укладе появилось нечто такое, что для нас неприемлемо? Вопрос, признаюсь, не ясный [выделено мной. — А. В.]» [там же, с. 450–451].

Еще в 1937 году, сравнивая М. А. Шолохова и Л. М. Леонова, критик прозорливо заметил, что «...все-таки именно к его [Леонова. — А. В.] книгам обратится, вероятно, в будущем человек, который захочет понять и уловить “дух, судьбу, ничтожество и очарование” русской литературы революционных лет» [там же, с. 362, 364]. Иными словами, он сохраняет надежду на некоторое литературное «посмертие» советского писателя.

Интересно, что североамериканская исследовательница В. Сандомирски, изучая сложный и центральный, по сути, *идеологический вопрос* взаимосвязи партийной линии и военного творчества Леонова, приходит к выводу, что советский писатель по-прежнему придерживается линии индивидуализированного творчества и особой «человечности», но будущее его в связи с партийными перипетиями конца 1940-х годов не ясно. Автор статьи, в отличие от представителей русской эмиграции, не нашла Леонова «сломленным», но лишь прогнозировала это как возможность (и надеялась, что «слома» не произойдет) [Sandomirsky, 1947].

Большой «аванс» Леонову давал Е. И. Замятин, заметив еще в 1923–1924 годах, что уклон писателя в фантастику, в миф есть «гарантия большого диапазона, гарантия, что автор не оплотнеет в быту» [Замятин, 1988, с. 263]. Его лексика — «богатая и смелая, много очень органических неологизмов» и даже

ошибки его — «хорошие ошибки» [там же, с. 279]. В быту писатель действительно не «оплотнел», был категорическим противником движения литературы в сторону бытописательства, а что касается мифа — Леонов выскажет практически идентичную замятинской мысль в заочной полемике с М. М. Пришвиным [Овчаренко, 2002, с. 158].

В своей превосходной статье 1933 года Замятин отмечает, что первые романы группы ведущих советских авторов (Пильняк, Леонов, Федин, Форш и др.) были сильнее последующих [Замятин, 1988, с. 419], и в этом смысле «Соть» — это понижение уровня мастерства Леонова [там же, с. 422]. А в другой заметке 1935 года он обнаруживает «внутреннюю фальшь» в «Дороге на Океан» [там же, с. 320].

Взгляда на то, что от «Вора» к «Соти» и «Скутаревскому» творческая планка Леонова понижалась, придерживался в несколько более мягкой форме и Н. Струве [Struve, 1933], но он также оставлял надежду на потенциальный рост художника.

Положительную оценку в своем письме П. П. Сувчинскому и Н. С. Трубецкому 1925 года писателю давал П. Н. Савицкий [Савицкий, 2018, с. 434]. Также положительно он оценит Леонова в письме П. М. Бицилли [там же, с. 633]. К сожалению, неизвестно, поменялась ли эта оценка (и была ли она) в 1930-х годах и далее. А Бицилли в числе немногих представителей эмиграции оценит в 1953–1954 годах не только язык «Барсуков» и «Вора», но и «Соти» (сравнивая с языком В. Я. Шишкова, отдавая приоритет по силе выразимости именно Леонову, при этом называя обоих «выдающимися писателями нынешней поры») [Бицилли, 1996, с. 311].

Неожиданная оценка творчества советского писателя и советской литературы обнаруживается в мемуарах кн. А. Щербатова. Последний находил не только «Вора» (что неудивительно), но и «Лес» (имеется в виду «Русский лес», 1953) — самую *по-настоящему «советскую»*, компромиссную книгу — произведениями, которые не оставили его равнодушным [Щербатов, Криворучкина-Щербатова, 2005, с. 369]. В собрании сочинений М. Алданова содержится упоминание Леонова, датированное 1956 годом, — его фамилия указана в числе «очень талантливых» советских писателей — живых: Пановой, Паустовского, Симонова, Шолохова, Зощенко, и погибших: Гумилева, Мандельштама, Бабеля, Пильняка [Алданов, 1996, с. 601]. В этом интервью Алданов высказывает мысль, близкую к упомянутой выше точке зрения Г. В. Адамовича, что советская и эмигрантская литература есть две ветви «единой великой русской литературы» [там же, с. 600], однако также критикует практику «социального заказа» как порочную для художника.

В целом положительную оценку творчества писателя можно найти в книге М. Слонима 1933 года, который характерно закачивает ее именно Леоновым, наследником Толстого и Достоевского, которому «принадлежит... одно из руководящих мест в советской литературе» [Слоним, 1933, с. 152]. Но и у Слонима есть эта, видимо, типичная и болезненная для русской эмиграции установка видеть дихотомию: «совесть художника» — «социальный заказ» всегда по принципу «или-или» и никогда не «и». Слоним видит в деятельности большевиков (интерпретируя мотивацию главных, «железных» героев «Соти») движение России к «американизации» [там же, с. 165]. Критик заканчивает книгу словами, что Леонов остается самым традиционным писателем Советской России, продолжателем гуманистической линии в литературе [там же, с. 166].

Для эмиграции, которая преимущественно была представлена интеллигенцией и лишенным привилегий дворянством, был нужен наследник классической, дореволюционной художественно-философской традиции, христианское, гуманистическое и подчеркнуто-индивидуальное звучание текстов которого в пике коммунистической риторике однозначно бы свидетельствовало, что на отъезжей от русской эмиграции родной «почве» есть их «представитель».

Такой взгляд предполагал в логическом пределе правомочность разделения и даже противопоставление понятий «советское» и «русское». «Советское» — это непонятно каким образом победившее даже не язычество, но хуже — демоническое начало. Характерно еще одно воспоминание Адамовича о взгляде литераторов на власть большевиков: «...что Россией управляет начало злое, — абсолютное или не абсолютное — соглашались все» [Адамович, Одиночество и свобода, 2002, с. 291]. Не случайно Н. О. Лосский так и не мог свыкнуться с мыслью о победе коммунистов в России и в статье 1955 года откладывал разрешение вопроса о том, как и почему революция оказалась возможна, какой ее провиденциальный смысл, на исторически-далекий срок [Лосский, 2017, с. 274]. Именно поэтому в логике эмиграции принятие участия в «социальном заказе» на иррациональном уровне соотносилось с актом веротступничества, потерей «нравственной чистоты».

Единственным «почвенным», воссоединяющим с Родиной, местом для эмиграции реально оставались прежде всего Церковь и европейская культура. Именно поэтому *поиски христианского, гуманистического, общеевропейского* в советской культуре являлись для нее наиважнейшими: потребность физической «почвы» трансформировалась в отождествление ее с мистической «почвой». И если идеи, высказанные на советской земле, соотносились с идеями эмиграции, то «почва» становилась ближе.

При этом под «почвой» следует понимать не только гуманитарную культуру (литературу, искусство, богословие и философию), но и техническую — металлургические и машиностроительные заводы, электростанции, горно-обогатительные комбинаты, лесное хозяйство и проч., — то, чего объективно у русской эмиграции не было «под рукой». И, скорее всего, именно поэтому советский «производственный роман» воспринимался как *вторичный*, внешний жанр. За отсутствием опыта «живой техники» гуманитарная мысль перестает понимать ее масштаб, красоту и глубину (что советские писатели, например Ф. В. Гладков или А. П. Платонов, пытались изобразить в своих романах).

Думаю, в глубинном смысле Г. В. Адамович не случайно выносит в заглавие статьи слова «Оправдается ли надежда?» [Адамович, Собрание сочинений. Литературные заметки, 2002, с. 29–36], поскольку в его глазах прежде всего Леонов был не только надеждой русской литературы, но и их, эмигрантов, *персонально ощущаемой надеждой*.

А для советской стороны, я усилую — для Красной церкви, — был нужен опыт положительной «перековки» из «попутчика» в «пролетарского писателя» (по сути, из «оглашенного» в «верного», но для Красной церкви), который преодолевает архаичное христианство и ненужную, в логике победившего утопического, обращенного к будущему политико-религиозного учения, историчность (интенсивное движение к будущему не нуждается в прошлом) в угоду новой сверхпассионарной религии, по сути, «религии будущего» (так коммунизм прямо называли, с известной, конечно, оговоркой, в официальной газете «Правда» [Т. Б., 1929]). Достаточно посмотреть, как подробно В. Я. Кирпотин «критикует» творчество Леонова на предмет соответствия последнего советскому «новому богословию» [Кирпотин, 1932]. Такая литкритика больше похожа на истязание. Она невероятно предвзята, но, замечу, в идеологическом смысле Кирпотин тонок и «удары» его точны. Он находил именно те «болевые точки», которые действительно вскрывали недостаточную «советскость» советского писателя.

Казус Л. М. Леонова заключается в том, что, прямо повлияв и на представителей эмиграции, и на советскую культуру, он не попал *окончательно* ни в одну, ни в другую. Обе решали свои, по сути, «корпоративные» задачи, обеспечивающие их историческую легитимацию, выживание и развитие. Да Леонов и сам оставил открытым вопрос о том, кто же такой Л. М. Леонов?

Подводя итоги, замечу, что нельзя не признать определенную правоту взгляда русской эмиграции на то, что советская практика институционализации литературы действительно вносила существенный «перекос» в творче-

ский процесс, отчего последний становился податливым к внутренней фальши, а в предельных случаях и вовсе переставал быть творческим, становясь разрушительной идеологией (пример РАППа). Однако нельзя не считаться и с иным: задачи, поставленные советским правительством в отношении литературы, имели целью деэлитаризацию и декорпоративизацию умственного, художественного труда, чтобы адаптировать последний для широких слоев населения и тем поднять их культурный уровень на невозможную доселе высоту. Обе правды «упираются» в индивидуальную и коллективную идентичности, соответственно, между ними возможны не только антагонизм, но и баланс компромисса. И при осмыслении истории России XX века указанные идентичности должны быть учитываемы как два ведущих варианта реализации культуры в широком смысле.

Развитие гуманитарного книгоиздательства, особенно издание полных собраний сочинений и эпистолярного наследия деятелей русской эмиграции и русской советской литературы, внушает определенный оптимизм, что по мере расширения источниковой базы представленная картина восприятия не только творчества Л. М. Леонова, но и иных русских советских писателей будет корректироваться. Со временем это позволит преодолеть клишированность оценок и, возможно, даст больше оснований утверждать, что факт «разъятия» 1917 года был идеологически гораздо более сложным и разнообразным, что правда двух сторон не только лежит в области идеологии, но основания ее гораздо глубже, чем кажется при первом и даже втором взгляде на предмет.

Список источников

Адамович Г. В. Борис Зайцев и Леонид Леонов. URL: <https://pub.wikireading.ru/88627> (дата обращения: 07.11.2021).

Адамович Г. В. Одиночество и свобода. СПб: Алетейя, 2002. 476 с.

Адамович Г. В. «Последние новости». 1936–1940. СПб.: Алетейя, 2018. 967 с.

Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные заметки. СПб.: Алетейя, 2002. Кн. 1 («Последние новости» 1928–1931). 786 с.

Алданов М. Сочинения: в 6 кн. М.: АО «Издательство «Новости»», 1996. Кн. 6: Ульмская ночь. Литературные статьи. 608 с.

Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М.: «Наследие», 1996.

Воробьев А. А. Роман Леонида Леонова «Скутаревский» в историко-философском контексте и его интерпретация // Гуманитарные науки в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 1. С. 87–93.

Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5 т. М.: «Русская книга», 1999–2001. 11 т.

Замятин Е. Сочинения. Мюнхен: A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1988. Т. 4: Проза. Киносценарии. Лекции. Рецензии. Литературная публицистика. Статьи на разные темы.

Каназирска М. «Взгляд со стороны» (Религиозные искания Л. Леонова в критике русской эмиграции — Г. Адамович, Ю. Сазонова) // Духовное завещание Леонида Леонова. Роман «Пирамида» с разных точек зрения. Ульяновск: УлГТУ, 2005. С. 265–275.

Кирпотин В. Я. Романы Леонида Леонова. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1932. 112 с.

Леонид Леонов. Вечер в МГУ. 1978. URL: <https://youtu.be/Fo4fTfhYjhA> (дата обращения: 07.11.2021).

Леонов Л. М. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1981–1984.

Леонов Л. М. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Книжный клуб Книговек, 2013.

Лосский Н. О. Философия и публицистика: Избранные статьи. М.: Викмо-М: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017.

М. Горький и Ф. А. Степун. Переписка // *de visu*. 1993. № 3. С. 43–54.

Овчаренко А. И. Большая литература. Основные тенденции развития советской художественной прозы 1945–1985. Сороковые — пятидесятые годы. М.: «Современник», 1985. 464 с.

Овчаренко А. И. В кругу Леонида Леонова: Из записок 1968–1988-х годов. М.: Московский интеллектуально-деловой клуб, 2002. 294 с.

Письма Леонида Леонова В. А. Ковалеву (1948–1993) // Из творческого наследия русских писателей XX в. М. Шолохов — А. Платонов — Л. Леонов. СПб.: «Наука», 1995. С. 426–489.

Прилепин З. Леонид Леонов: Подельник эпохи: биография. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 795 с.

Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Викмо-М, 2018.

Сазонова Ю. Религиозные искания в отражении советской литературы // Путь. 1930. № 21. С. 76–93.

Слоним М. Портреты советских писателей. Париж: Парабола, 1933. 171 с.

Степун Ф. А. Встречи. Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен: Товарищество Зарубежных Писателей, 1962. 203 с.

Степун Ф. А. Мысли о России // Современные записки. 1925. XXIII. С. 342–371.

Степун Ф. А. Письма. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 451–468.

Т. Б. В наступление на антирелигиозном фронте // Правда. 1929. № 131. 11 июня. С. 4.

Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Sam & Sam, 1996–2014.

Хрулев В. И. Художественное мышление Леонида Леонова. Уфа: Гилем, 2005.

Щербатов А., кн., Криворучкина-Щербатова Л. Право на прошлое. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2005. 544 с.

Sandomisky V. Leonid Leonov and Party Line // The Russian Review. 1947. Vol. 6, no. 2. P. 67–76.

Struve G. Current Russian Literature: I. Leonid Leonov and His “Skutarevsky” // The Slavonic and East European Review. 1933. Vol. 12, no. 34. P. 190–195.

References

Adamovich, G.V. *Boris Zaytsev i Leonid Leonov* [*Boris Zaytsev and Leonid Leonov*] (no date). Available at: <https://pub.wikireading.ru/88627> (Accessed: 07 Nov. 2021).

Adamovich, G.V. (2002) *Odinchestvo i svoboda* [*Loneliness and Freedom*]. St. Petersburg: Aleteya Publ.

Adamovich, G.V. (2002). *Sobraniye sochineniy. Literaturnye zametki. Kniga 1* (“*Poslednye novosti*” 1928–1931) [*Collected Works. Literary Notes. Book 1* (“*Latest News*” 1928–1931)]. St. Petersburg: Aleteya Publ.

Adamovich, G.V. (2018) “*Poslednye novosti*”. 1936–1940 [*“Latest News”*. 1936–1940]. St. Petersburg: Aleteya Publ.

Aldanov, M. (1996) *Sochineniya v 6 knigakh. Kniga 6: Ul'mskaya noch. Literaturnye stat'i*. [*Works in 6 Books. Book 6: Ulm's Night. Literary Papers*]. Moscow: “Novosti” Publ.

Bitsilli, P.M. (1996) *Izbrannye Trudy po filologii* [*Selected Works on Philology*]. Moscow: “Nasledye” Publ.

Fedotov, G.P. (1996–2014) *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh* [*Collected Works in 12 vols*]. Moscow: Sam & Sam Publ.

Kanazirska, M. (2005) “Vzglyad so storony” (Religioznye iskaniya L. Leonova v kritike russkoy emigratsii — G. Adamovich, Yu. Sazonova) [“A View from the Outside” (L. Leonov's Religious Searches in the Criticism of Russian Emigration — G. Adamovich, Yu. Sazonova)], in *Dukhovnoye zaveschaniye Leonida Leonova. Roman “Piramida” s raznykh tochek zreniya* [*Spiritual Testament of Leonid Leonov. “The Pyramid” Novel from Different Points of View*]. Ulyanovsk: UlSTU Publ.

Khrulev, V.I. (2005) *Khudozhestvennoye myshleniye Leonida Leonova* [*Leonid Leonov's Artistic Thinking*]. Ufa: Gilem Publ.

Kirpotin, V.Ya. (1932) *Romany Leonida Leonova* [*Leonid Leonov's Novels*]. Moscow — Leningrad: Goudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ.

Leonid Leonov. *Večer v MGU* [Leonid Leonov. *Literary Evening at Moscow State University*] (1978) Available at: <https://youtu.be/Fo4fTfhYjA> (Accessed: 07 Nov. 2021).

Leonov, L.M. (1981–1984) *Sobraniye sochineniy: v 10 tomakh* [Collected Works: in 10 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.

Leonov, L.M. (2013) *Sobraniye sochineniy: v 6 tomakh* [Collected Works: in 6 vols]. Moscow: Knizhnyy klub Knigovek Publ.

Lossky, N.O. (2017) *Filosofiya i publitsistika: izbrannye stat'i* [Philosophy and Journalism: Selected Papers]. Moscow: Vikmo-M, Dom russkogo zarubezhya im. A. Solzhenytsina Publ.

‘M. Gorkiy i F.A. Stepun. Perepiska’ [‘M. Gorky and F.A. Stepun. Correspondence’] (1993) *de visu*, 3, pp. 43–54.

Ovcharenko, A.I. (1985) *Bolshaya literatura. Osnovnye tendentsii razvitiya sovetskoy khudozhestvennoy prozy 1945–1985. Sorokovye — pyatidesyatye gody* [Great Literature. The Main Development Trends of Soviet Fiction 1945–1985. Forties — fifties]. Moscow: “Sovremennik” Publ.

Ovcharenko, A.I. (2002) *V krugu Leonida Leonova: Iz zapisok 1968–1988 godov* [In the Circle of Leonid Leonov: From the Notes of the 1968–1988es]. Moscow: Moskovskiy intellektual'no-delovoy Klub Publ.

‘Pis'ma Leonida Leonova V. A. Kovalyovu (1948–1993)’ [‘Leonid Leonov’s Letters to V.A. Kovalev (1948–1993)’] (1995) In: *Iz tvorcheskogo naslediya russkikh pisateley XX veka. M. Sholokhov — A. Platonov — L. Leonov* [From the Creative Heritage of Russian Writers of the 20th Century. M. Sholokhov — A. Platonov — L. Leonov]. St. Petersburg: “Nauka” Publ.

Prilepin, Z. (2019) *Leonid Leonov: Podel'nik epokhi: biografiya* [Leonid Leonov: Accomplice of his Epoch: Biography]. Moscow: AST, Redaktsiya Eleny Tschubinoy Publ.

Sandomirsky, V. (1947) ‘Leonid Leonov and Party Line’, *The Russian Review*, 6(2), pp. 67–76.

Savitskiy, P.N. (2018) *Nauchnye zadachy evraziystva: Stat'i i pisma* [Scientific Tasks of Eurasianism: Papers and Letters]. Moscow: Dom russkogo zarubezhya im. A. Solzhenytsina, Vikmo-M Publ.

Sazonova, Yu. (1930) ‘Religioznye iskaniya v otrazhenii sovetskoy literatury’ [‘Religious Searches in the Reflection of Soviet Literature’], *Put'*, 21, pp. 76–93.

Shcherbatov, A., Krivoruchkina-Shcherbatova, L. (2005) *Pravo na proshloye* [The Right to the Past]. Moscow: Stetenskiy monastyr' Publ.

Slonim, M. (1933) *Portrety sovetskikh pisateley* [Soviet Writers’ Portraits]. Paris: Parabola Publ.

Stepun, F.A. (1925) ‘Mysly o Rossii’ [‘Thoughts about Russia’], *Sovremennye zapiski*, 23, pp. 342–371.

Stepun, F.A. (1962) *Vstrechy. Dostoevskiy — L. Tolstoy — Bunin — Zaytsev — V. Ivanov — Belyu — Leonov* [Meetings. Dostoevsky — L. Tolstoy — Bunin — Zaytsev — V. Ivanov — Belyu — Leonov]. Munich: Tovarishchestvo Zarubezhnykh Pisateley Publ.

Stepun, F.A. (2013) *Pis'ma* [Letters]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ.

Struve, G. (1933) 'Current Russian Literature: I. Leonid Leonov and His "Skutarevsky"', *The Slavonic and East European Review*, 12(34), pp. 190–195.

T.B. (1929) 'V nastupleniye na antireligioznom fronte' ['On the Offensive on the Anti-religious Front'], *Pravda*, 131, p. 4.

Vorobyev, A.A. (2021) 'Roman Leonida Leonova "Skutarevskiy" v istoriko-filosofskom kontekste i ego interpretatsiya' ['Leonid Leonov's Novel "Skutarevsky": A View from the History of Philosophy Point'], *Humanities Research in the Russian Far East*, 1, pp. 87–93.

Zamyatin, E. (1988) *Sochineniya. Tom 4: Proza. Kinostsenarii. Lektsii. Retsenzii. Literaturnaya publitsistika. Stat'i na raznye temy* [Works. Vol. 4: Prose. Screenplays. Lectures. Reviews. Literary Journalism. Papers on Various Topics]. Munich: A. Neimann Buchvertrieb und Verlag.

Zaytsev, B.K. (1999–2001) *Sobraniye sochineniy: v 5 tomakh* [Collected Works in 5 vols] (11 vols). Moscow: "Russkaya kniga" Publ.

Информация об авторе: А. А. Воробьев — аспирант кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (ИСГО МПГУ). Адрес: Российская Федерация, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

Information about the author: A. A. Vorobyev — Postgraduate Student at the Department of Philosophy of Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University (ISHE MPGU). Address: 1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119435, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2021;
одобрена после рецензирования 12.12.2021;
принята к публикации 13.12.2021.

The article was submitted 30.11.2021;
approved after reviewing 12.12.2021;
accepted for publication 13.12.2021.